

С. А. МАГАРИЛ

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПРЕДЕЛЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье анализируются особенности сознания интеллигенции России. Дважды инициировав в период конца XIX – начало XXI вв. масштабные социальные трансформации, российская интеллигенция в обоих случаях была вытеснена на социальную обочину. Действительность оказалась бесконечно далека от ожиданий образованного сословия России как в начале, так и в конце XX в. Это вынуждает признать: базовые представления интеллигенции о российском социуме фундаментально не соответствуют реальным закономерностям существования и исторического движения этого социума.

Ключевые слова: интеллигенция, общественное сознание, социальные трансформации, иррациональные представления.

*Интеллигенция – это слово не точно;
значит не то, что хочет обозначать.
Почему бы не остановиться на старом и
привычном понятии «образованный человек».*

В. Ключевский¹

Социально-экономическое неблагополучие массовой российской интеллигенции, ставшее доминантой ее существования в XX – начале XXI вв., вызывает необходимость попытаться понять его причины. Как известно, российская интеллигенция дважды в течение одного столетия была инициатором масштабных социальных сдвигов. Как утверждал первый русский Нобелевский лауреат И. Павлов: «Судьбу наций определяет ум интеллигентский». Это вынуждает признать: какова интеллигенция, таково и государство. Действительно, кто учил государственную бюрократию, если не университетская профессура? А каково государство – такова и судьба народа.

Представляется, что для будущего России основополагающей является именно проблема интеллигенции, не без оснований претендующей на роль национальной социо-культурной элиты, хранителя национального интеллекта, гуманистических ценностей и идеалов. Сказанное со всей определенностью ставит вопрос: какое влияние на социально-властные отношения современной России оказывает общественно-гуманитарное знание и его носители?

¹ Ключевский. 1983б. С. 299.

1. Хотели – как лучше

Предреволюционная генерация образованного сословия России была инициатором и одним из активнейших участников социальной трансформации 1917–1921 гг., результатом которой стал переход от «русской модели капитализма» к модели «советского социализма». В ходе острейшего социального конфликта значительная часть российской интеллигенции погибла; часть – эмигрировала. Оставшаяся в России интеллигенция, впоследствии была либо репрессирована, либо вытеснена на социальную обочину и маргинализована. Действительность оказалась бесконечно далека от ожиданий образованного сословия России как в начале, так и в конце XX в. Базовые представления отечественной интеллигенции о российском социуме фундаментально не соответствуют закономерностям существования и исторического движения этого социума. В числе основных причин:

– 700-летнее опоздание России, по сравнению с Европой, с созданием университетского образования – национальной школы рационального знания и рационально-критического мышления. Это повлекло за собой существенное отставание в области социальных наук от потребностей развития общества².

– Препятствия, чинимые имперскими властями наращиванию рационально-критического социального знания. Как писал Ключевский: «Забота политики... XVIII–XIX века – поставить народное образование так, чтобы знания не перерабатывались в убеждения»³.

– Стремление советского режима подчинить общественно-гуманитарные науки социальному прожектерству, ограничить их роль апологетикой очередных утопий советской власти.

² Ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук, англичанин Т. Шанин отметил: «Одной из особенностей России, которая особенно видна мне как иностранцу, является та мера, в которой российская интеллигенция думала через литературу – больше через литературу, чем через социальные науки. В XIX веке очень многое из того, что в англосаксонских странах определялось через социальные науки: социологию, экономику и так далее, в России определялось через русскую литературу». – Шанин. [Электронный ресурс]. Во многом созвучно мнению д.ф.н. О. Малиновой: «работы современных российских авторов изобилуют цитатами из трудов П. Чаадаева, славянофилов, К. Кавелина, Ф. Достоевского, Н. Данилевского, В. Ключевского, К. Леонтьева, Н. Бердяева и других мыслителей XIX – начала XX в., рефлексировавших в русле исторических традиций русской общественной мысли с присущей им умозрительностью, принципиальной неориентированностью на процедуры верификации...». – Малинова. 2006. С. 113.

³ Цит. по: Из русской мысли о России... С. 267.

2. Представления дореволюционной интеллигенции

В качестве характерных неадекватных воззрений и заблуждений дореволюционной интеллигенции, делавшей ставку на революцию, могут быть названы представления:

– О русском народе, как народе едином, не несущем в себе глубочайший социокультурный, а потому исторический (стадиальный) раскол на незначительное модернизированное меньшинство и подавляющее архаичное большинство⁴.

– О том, что народ, разделенный на слои, обладающие столь различным социокультурным потенциалом адаптации, способен развиваться в едином историческом темпе.

– О возможности продуктивного переноса в архаический, в своей основе, социум России, европейской теории марксизма, отражающей реалии общества, построенного на иных социокультурных основаниях и существенно опередившего Россию в развитии.

– О русском народе как народе богоносце, глубоко и искренне приверженном православию, носителе высокой нравственности и духовности. Впоследствии, реально столкнувшись с целым рядом «коренных исторических черт, психологических комплексов, утопий и пр. русского человека», интеллигенции пришлось сполна убедиться в «невысоком моральном качестве русского народа»⁵.

– О народе, неспособном на инверсионный, исторически мгновенный отказ от 900-летнего православия, усвоенного, как оказалось, лишь на уровне обрядоверия и ритуала (Н. Бердяев).

– О том, что общество предельно неразвитого правосознания, способно разрешать масштабные социальные конфликты цивилизованным правовым способом, избежав массового насилия.

– О том, что население, в составе которого десятки миллионов неграмотных крестьян, не имевших ни малейшего представления о демократии, население, в котором доля образованных людей не превышала 3-4%, – способно существовать в рамках демократии, придерживаясь ее норм в своей повседневной жизни.

– О том, что в ходе революции будут сохранены и продолжают исправно функционировать важнейшие системы жизнеобеспечения, а ин-

⁴ По мнению Маслова, выходца из крестьян, сумевшего получить экономическое образование, российское крестьянство жило представлениями XV–XVI вв. – *Маслов*. 1908. С. 73. На средневековое сознание миллионов безграмотных крестьян последней трети XIX в., не способных строить новую европеизированную Россию, указывал и Г. Федотов. – *Федотов*. 2009. С. 11.

⁵ *Пивоваров*. 2008. С. 62, 56.

теллигенция сохранит свой жизненный уклад и относительно комфортное существование.

– О том, что образованные группы знают (и правильно понимают) нужды многомиллионного крестьянства и способы удовлетворить эти интересы.

– О том, что образованное сословие способно вести за собой озлобленное, невежественное, в основном крестьянское население и контролировать развитие событий. Действительно, в годы революции и гражданской войны организационно-идеологическое ядро всех противоборствующих сил составили именно группы интеллигенции. Но, как различны были их общественные идеалы: неограниченное самодержавие, конституционная монархия, буржуазно-демократическая республика и, наконец, диктатура пролетариата.

Закономерно, что имея столь далекие от реалий представления, российская интеллигенция оказалась неспособна предвидеть последствия чаемой революции, а также то, как эта революция отразится на судьбе самой интеллигенции. При этом предостережения, и далеко не единичные, услышаны не были:

Маркс: «Настанет русский 1793 г.; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России»⁶.

Герцен: «Две разные России... община и дворянство, более ста лет противостоящие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Русь – утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презируя и эксплуатируя другую. Другая – земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона»⁷.

Бакунин в 1873 г., полемизируя с Марксом и Лавровым, предвидел диктатуру «аристократов интеллигенции»: главный порок ученого – «это превозношение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он сделается самым несносным тираном... Быть рабами педантов – что за судьба для человечества! Дайте им полную волю, они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие ради пользы науки делают теперь над кроликами, кошками и собаками».

Кавелин: «Администрация царской власти заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки». Засилье бюрократии связано с отсутствием самостоятельной церкви, подлинной аристократии и незначительной долей городского сословия. Однако решающее влияние оказывало невежество народа, «огромная, несметная масса мужиков, не знающих грамоте, не имеющих даже зачатков религиозного и нравственного наставления»⁸.

⁶ Маркс, Энгельс. 1960. С. 701.

⁷ Герцен. 1984. С. 208.

⁸ Кавелин. 1897–1900. Т. 1. Стлб. 945, 154.

Ключевский: «Из древней и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения»⁹.

Соловьев В. в начале XX в. писал: «...русский народ... находится в крайне печальном состоянии, он болен, разорен, деморализован. И вот мы узнаем, что он в лице своей интеллигенции хотя и не может считаться формально умалишенным, однако одержим ложными идеями, граничащими с манией величия и манией вражды на всех и каждого. Равнодушный к своей действительной пользе и действительному вреду, он воображает несуществующие опасности и основывает на них самые нелепые предположения. Ему кажется, что все соседи его обижают, недостаточно преклоняются перед его величием и всячески против него злоумышляют. Если несчастный... останется при своей мании, то ни деньги, ни лекарства не помогут»¹⁰.

Вебер М.: «Романтический радикализм социалистически-революционной интеллигенции... близок... к «государственному социализму», и от него лежит очень короткий путь в авторитарно-реакционный лагерь»¹¹.

Гершензон: «Сказать, что народ нас не понимает и ненавидит, значит не все сказать... Он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом... Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹².

Плеханов: «Русская истории еще не смолела той муки, из которой будет испечен в России пшеничный пирог социализма».

Не обладая должным объемом социогуманитарных знаний, не желая прислушаться к голосам своих более дальновидных современников, немалая часть интеллигенции торопила революционные события. Этому содействовала тупая, самонадеянная бюрократия Российской Империи, искренне не понимавшая, что ее политика ведет Россию к социальной катастрофе, а ее саму – в небытие¹³. Предупреждения дальновидных чиновников игнорировались. Статс-секретарь П. Дурново предостерегал императора Николая II от вступления в Первую мировую войну: «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»¹⁴.

⁹ Ключевский. 1983а. С. 363.

¹⁰ Цит. по: Адамшин. 2007. С. 140.

¹¹ Вебер. 2007а. С. 34.

¹² Гершензон. 1909.

¹³ Выразительная иллюстрация – напыщенная толпа высших государственных сановников на картине Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года». Каковы судьбы этих людей спустя всего 17 лет?

¹⁴ Памятная записка (меморандум) статс-секретаря П. Н. Дурново...

Размышляя о роли интеллигенции в русской революции, один из весьма уравновешенных современников – Ф. Степун полагал:

«если бы эта роль была меньше, если бы революция ограничилась выражением и защитой реальных хозяйственных нужд русского народа, то она вылилась бы в совершенно иные формы...

Мужу она даровала бы землю, пролетарию – восьмичасовой рабочий день и книжку сберегательной кассы, молодой буржуазии – руководящую политическую роль, дворянству – грустные воспоминания в поэтически-разваливающемся усадьбах. Всем же гражданам купно – равенство перед нелицеприятным законом и полную серию законных свобод. Ни одной копейки не истратила бы на разжигание “мирового костра”, на котором, как в том все больше и больше убеждаются большевики, “каши не сварить”, но того гляди сам сгоришь.

Но в том-то и дело, что по всей своей природе русская интеллигенция не могла ограничиться только ролью защитницы экономических интересов восходящих классов русского народа, что она всем своим прошлым была обречена на роль разрушительницы практических достижений... путем безоглядного повышения уровня революционных задач». Весьма показательно: завершая обзор, существовавших в 1920-е годы многообразных оценок роли русской интеллигенции в совершившемся в России социальном перевороте, Степун отвергает и модные в то время нападки на интеллигенцию со стороны «вражьей критики», и «малодушное самооплевывание в ощущении конца интеллигенции». Он был убежден: необходима «мужественная самокритика в том ощущении, что интеллигенции предстоит сыграть в деле воссоздания России еще очень большую роль»¹⁵.

3. Механизм формирования тоталитарного сознания

Нетерпимость, фанатизм русской революционной интеллигенции, ее нежелание и неспособность учитывать реальные возможности и пределы трансформации социума придали беспощадность догме классовой борьбы и иступленность мифу мировой революции.

Социально-психологический механизм формирования тоталитарного сознания объяснил В. Соловьев в своей речи о Достоевском:

«С одной стороны – выступает образ идеального строя жизни, устанавливается некоторый определенный “общественный идеал”. Но этот идеал принимается независимо ни от какой внутренней работы самого человека: он состоит только в некотором, заранее определенном и извне принудительном экономическом и социальном строе жизни; поэтому все, что может человек создать для достижения этого внешнего идеала, сводится к устранению внешних же препятствий к нему.

Таким образом, сам идеал является исключительно только в будущем, а в настоящем человек имеет дело только с тем, что противоречит этому идеалу, и вся его деятельность от несуществующего идеала обращается всецело на разрушение существующего, а так как это последнее держится людьми и

¹⁵ Степун. 1991. С. 226-227.

обществом, то все это дело обращается в насилие над людьми и обществом. Незаметным образом общественный идеал подменяется противообщественною деятельностью. На вопрос: “что делать”? – получается ясный и определенный ответ: убивать всех противников будущего идеального строя, т.е. всех защитников настоящего.

При таком решении дела вопрос: “готовы ли деятели”? – действительно является излишним. Для такого служения общественному идеалу человеческая природа в теперешнем своем состоянии и с самых худших своих сторон является вполне готовой и пригодной. В достижении общественного идеала путем разрушения все дурные страсти, все злые и безумные стихии человечества найдут себе место и назначение; такой общественный идеал стоит всецело на почве господствующего в мире зла. Он не предъявляет своим служителям никаких нравственных условий, ему нужны не духовные силы, а физическое насилие, он требует от человечества не внутреннего обращения, а внешнего переворота»¹⁶.

Иллюстрацией сформулированных Соловьевым положений, может служить вышедшая в 1862 г. прокламация «Молодая Россия»¹⁷. Всего год спустя после отмены крепостного права, идейные предшественники радикал-революционеров начала XX в., призывая революцию, «кровавую и неумолимую», писали:

«Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы... Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 1790-х годах... Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя, знамя будущего, знамя красное и с громким криком: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!», – двинемся на Зимний дворец, истреблять живущих там... Мы издадим один крик: «В топоры!», и тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами... На сколько областей распадется земля русская – этого мы не знаем. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого будет достаточно незначительного повода»¹⁸.

¹⁶ Соловьев. 1990. С. 51-52.

¹⁷ Автор прокламации Петр Зайчневский, 20-летний студент Московского университета, дворянин, помещичий сын. Зайчневский писал прокламацию в тюрьме, куда был заключен за организацию мессы по убитым участникам демонстрации в Варшаве в феврале 1861 года и за призывы к независимости Польши, а также за агитацию среди крестьян, которых он призывал к неповиновению государственной власти. Прокламация «Молодая Россия» – первый манифест массового революционного террора, широко читалась в среде образованной молодежи. За свою революционную деятельность Зайчневский трижды арестовывался и подвергался ссылке. Умер в Смоленске в 1896 г.

¹⁸ Из прокламации «Молодая Россия», 1862 г. Цит. по: Пантин. 2009. С. 267-268.

4. Признаки кризиса – проблема осмысления

Текст прокламации содержит едва ли не все основные концептуальные положения грядущего большевизма. Его исторические предшественники отчетливо сформулировали важнейшие элементы революционной стратегии, включая беспощадный террор, истребление правящей династии, войну как основную предпосылку восстания, распад России. Дальнейший ход событий показал: политическая программа «Молодой России» была грозным предостережением властям и образованному обществу, свидетельствуя о назревании острейшего исторического вызова. Однако этот вызов был мало кем замечен и, тем более, должным образом осмыслен. Общество не осознавало зарождавшиеся предпосылки социальной катастрофы. На протяжении полувека эффективный ответ так и не был найден. Согласно Тойнби, ответственность за это ложится на правящие и интеллектуальные элиты общества. В оправдание интеллигенции России следует принять во внимание ее крайнюю в тот период малочисленность и полное отсутствие вплоть до 1905–1907 гг. народного представительства в органах государственного управления.

По данным переписи 1897 г. лишь 21% населения России умел читать. В 1913 г. грамотность составила 54% у мужчин и 26% у женщин. К началу XX в. только дворянство и духовенство – 2 % населения России – достигли почти полной грамотности. Остальные сословия по степени грамотности находились на уровне стран Западной Европы XVIII в. Однако читательская масса, т.е. те, кто имел навык регулярного чтения и возможность читать литературу, в конце XIX в. составляла 3–4 млн. чел. или 3–4 % населения. Студентов в расчете на 10 тыс. чел. в России в 1890 г. было в 4–10 раз меньше, чем в промышленно развитых странах¹⁹. Отвергая утверждения экс-министра образования графа Д. Толстого, полагавшего, что у России «нет большой надобности в университетах», Д. Менделеев указывал: «и достойным нет входа в высшие учебные заведения из-за недостатка мест».²⁰ Неудивительно, что к 1914 г. в Великороссии людей с высшим образованием было около 120 тыс. чел. (порядка 1% населения). К 1913 г. общая численность интеллектуального слоя России составляла не более 3 млн. человек. В том числе до 300 тыс. учителей и преподавателей, до 50 тыс. ИТР (из них около 10 тыс. инженеров), 80–90 тыс. медиков (в т.ч. до 25 тыс. врачей), около 20 тыс. ученых и преподавателей вузов, 60 тыс. кадровых офицеров и военных чиновников, 200 тыс. духовенства. Совокупная доля все-

¹⁹ Миронов. 2003. С. 265, 385.

²⁰ Менделеев. 1995. С. 250–251.

го этого слоя в составе населения – примерно 2,2%. Фактически, Россия столкнулась с дефицитом совокупного общенационального интеллекта. Если верен закон диалектики «о переходе количества в качество», то остро недостаточное количество образованных людей определило низкое качество государственного управления Российской империей.

В. Ключевский (1911 г.) с полным основанием писал: «Средства западно-европейской культуры, попадая в руки тонких слоев общества, обращались на их охрану... усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины – на бессмысленном управлении»²¹. Совместными усилиями радикал-революционеры и тупая, ограниченная сословными интересами и предрассудками бюрократия, упрямо вели Россию к социальной катастрофе. По прошествии всего 6 лет история подтвердила трагическое предвидение ученого.

5. Представления советской интеллигенции

Потребности существования советского общества, прежде всего, необходимость создания оборонно-промышленного комплекса, а также воспроизводства и трансляции в массовые слои населения идеологии марксизма-ленинизма, вызвали к жизни советскую систему массового образования и производную от нее советскую интеллигенцию. Это ее труд и талант преобразовали аграрную Россию в индустриально развитое государство. Однако с 1970-х гг. явственно обозначились признаки стагнации. Несмотря на десятилетия давления догматического официального общественнознания, интеллигенция, обеспокоенная научно-техническим и социально-экономическим отставанием СССР, утратой им конкурентоспособности, вновь оказалась одним из инициаторов и активных участников демократических по замыслу реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг. Но и на этот раз, уже в ходе преобразований «советской модели социализма» в «постсоветскую модель капитализма», массовая интеллигенция была оттеснена на социальную обочину, ее накопления экспропрированы, а сама она вновь оказалась аутсайдером, составив основной массив «образованных бедных».

Отечественная научно-техническая интеллигенция, создав в свое время ракетно-ядерный щит, надежно гарантировала безопасность страны от внешних угроз. Но СССР оказался беззащитен перед угрозами внутренними, и его крушение было, прежде всего, следствием неспо-

²¹ Ключевский. 2002. С. 267.

способности противостоять нарастанию сложности социальной системы. Известна теорема Эшби о необходимости соответствия сложности системы управления масштабам управляемого объекта. Если это соответствие нарушается, то либо сознательно создается более сложная система управления, обладающая большими функциональными возможностями, либо управляемый объект распадается на менее сложные подсистемы. Вследствие упорного отказа политического руководства Советского Союза от реформ, последовательно предлагавшихся премьер-министром Косыгиным (1960-е гг.); академиком Кириллиным (1979 г.), а затем академиком Геловани (1985 г.), в СССР реализовался второй сценарий. Косность монополярной административно-политической вертикали обусловила неизбежное вырождение качества государственного управления, что повлекло за собой и дезинтеграцию государства.

Все это имеет прямое отношение к профессиональной деятельности советской общественно-гуманитарной интеллигенции, десятилетиями изучавшей жизнь общества и утверждавшей, что ей ведомы научные законы его развития. Однако крах российской государственности свидетельствует: наличные социально-властные отношения не обеспечивали развитие общества. В ходе развертывающейся глобализации оно оказалось неконкурентоспособным, несмотря на значительный научный потенциал и технические достижения. В условиях идеологической монополии «единственно верного учения» и подавления критического общественнознания, отечественная интеллигенция не смогла существенно продвинуться в понимании советского общества и социальной природы сил, скрывааемых фасадом социалистической мифологии и кодекса «Строителя коммунизма». По свидетельству академика Глазьева, входившего в состав первого российского правительства, «никто не думал, что развитие страны пойдет так», хотя многие члены кабинета рекрутировались из научной среды гуманитарных институтов РАН. Преобладал «романтический и весьма поверхностный взгляд на проблемы, с которыми мы должны были столкнуться... Фундаментальная “человеческая составляющая” во многом игнорировалась», что и привело реформы к провалу»²². Среди иллюзорных представлений отечественного образованного сообщества конца XX века:

– Чрезмерно оптимистические, неоправданно завышенные представления о том, что в 1960-е годы в обществе сформировалось целое поколение демократически мыслящих граждан, «поколение шестидесятников». Последующий ход событий наглядно продемонстрировал:

²² Глазьев. [Электронный ресурс].

«шестидесятники» были лучшими представителями этого поколения, но, в силу очевидной малочисленности, они не могли оказать решающего влияния на процессы, происходившие в СССР.

– Первоначальные утверждения лидеров перестройки о незыблемости социалистического выбора.

– Утверждение о неизбежности смены социально-экономического застоя восходящим развитием, поскольку «ниного не дано», и что «плохое – не может смениться худшим».

– Ни на чем не основанные надежды, что президент, поставленный Конституцией над государственной и политической конструкцией, сможет реально гарантировать развитие общества по демократическому пути, а не станет заложником правящей бюрократии и ее интересов.

– Исторически недалекovidный отказ от политического, по аналогии с Нюрнбергским трибуналом, но не уголовного процесса над идеологией и политической практикой большевизма, установившего в России репрессивный тоталитарный режим диктатуры.

– Утопические представления о возможности, в условиях пост-тоталитарного общества и в отсутствие внешних, жестких демократических рамок, достичь убедительных социально-экономических результатов в кратчайшие, исторически мгновенные сроки (достаточно вспомнить программу «500 дней» и тому подобные проекты)²³.

– Иллюзорные представления о желательности и возможности установления умеренно-авторитарного режима, способного решить задачи национальной модернизации²⁴.

– Миф о лучшем в мире советском образовании, внушавший ложные представления о том, что наличный уровень социальной компетенции и политико-правовой культуры населения достаточен для устойчивого национального развития и поступательного движения к правовому социальному государству²⁵.

– Ложные представления о том, что советский «суд», десятилетиями манипулируемый бюрократией, будет достаточно быстро выведен из-под ее контроля и трансформирован в независимую судебную власть,

²³ Демократическая трансформация оккупированных Германии и Японии после 1945 г. потребовала только для восстановления довоенного уровня экономики 10 лет.

²⁴ Надо полагать, итоги 2000–2007 гг. весьма разочаровали сторонников подобной точки зрения.

²⁵ Советского массового высшего образования (только инженеров к концу советского периода насчитывалось около 10 млн. чел), оказалось явно недостаточно, чтобы предотвратить провал России на траекторию экономической деградации и социального неблагополучия.

способную положить конец «телефонному праву» и обеспечить подлинное верховенство закона.

– Нереалистические ожидания, что советский «правоохранительный комплекс», воспитанный тоталитарным режимом, в кратчайшие сроки может быть реформирован и, вопреки традициям, станет на защиту демократии. Авторитарный поворот 2000-х годов подобные иллюзии развеял окончательно.

– Ожидания, что многомиллионное население, которому в течение 74-х лет внушалось ложное «социалистическое правосознание», будет способно следовать нормам права в процессе формирования цивилизованных рыночных отношений.

– Иллюзорные представления, согласно которым атомизированный социум, с крайне низким уровнем межличностного доверия, способен в короткие сроки сформировать влиятельные структуры гражданского общества (общественные ассоциации, профсоюзы и политические партии), что позволит создать эффективные системы политического и правового контроля за исполнительной властью.

– Беспочвенные ожидания, что население, второй раз в своей истории (после краткого периода с февраля по октябрь 1917 г.), получившее политические свободы, сумеет в ходе многопартийных выборов в Государственную Думу сделать рациональный выбор и сформировать эффективный парламент.

– Недооценка (если не игнорирование) демократическими группами ресурсов, возможностей и мотивов противодействия реформам со стороны бюрократического аппарата.

– Сверхоптимистические ожидания, что в отсутствие демократических традиций, в условиях слабости и разобщенности политических сил демократии, естественным ходом событий будут закреплены ее первые ростки.

– Ни на чем не основанные ожидания, согласно которым бюрократия откажется от противозаконного использования своих административно-распорядительных полномочий (административного ресурса).

– Наивные ожидания, что новая власть окажется в состоянии эффективно противодействовать исторически-традиционной коррупции.

– Ложные ожидания, что правящий класс постсоветской России будет проводить политику, исходя из интересов национального развития, а не собственного обогащения.

– Следование ложным представлениям, преднамеренно внедряемым правящими группами на начальном этапе реформ, о необходимости идеологизации общественного сознания. Подобные представления

стали одним из значимых препятствий политической самоорганизации населения России.

– Инфантильные представления массовых групп интеллигенции о том, что ей следует самоустраниться от участия в политике (поскольку «политика – дело грязное»); однако, при этом законные права и социально-экономические интересы большинства, в том числе самой интеллигенции, будут реализованы правящими группами.

Изложенные соображения вынуждают согласиться с теми специалистами, по мнению которых социум был интеллектуально не готов к переменам²⁶. Более того, даже люди, имеющие серьезное высшее образование, ввиду сформированного у них мифологического сознания, готовы «руководствоваться в объяснении социальной реальности только примитивными стереотипами и мифами»²⁷.

6. Куда идти и что делать?

Семь десятилетий социальной некомпетентности, принудительно поддерживаемой коммунистическим режимом, не прошли бесследно. К концу XX в. советская интеллигенция имела, по преимуществу, неадекватные представления о советском обществе и возможных пределах его трансформации²⁸. Более того, в своем абсолютном большинстве российская постсоветская интеллигенция оказалась политически незначима. Реалии постсоветской России наглядно продемонстрировали: дезориентированная и политически аморфная массовая интеллигенция очень быстро утратила способность влиять на ход событий и политику властей.

Социальная мифология, деформируя как массовое сознание, так и сознание образованных групп, не проходит бесследно. Эпоха строительства коммунизма, начатая циничным лозунгом «Грабь награбленное», закономерно завершилась масштабным ограблением самих строителей коммунизма. Социально-экономические результаты преобразований убедительно свидетельствуют: постсоветская бюрократия, за ширмой демократических лозунгов, осуществила реформы в интересах собственного обогащения, успешно заместив ими интересы национального развития. В очередной раз подтвердился известный тезис политических наук: социальные группы, неспособные сформулировать отчетливую политику в защиту своих интересов и сформировать мощные политические структуры для ее реализации, неизбежно отгесняются на социаль-

²⁶ Сатаров. 2009. С. 37.

²⁷ Паин. 2009. С. 147.

²⁸ Недаром хорошо информированный председатель КГБ СССР Ю. Андропов заявил: «Мы не знаем общества, в котором живем».

ную обочину, подвергаются эксплуатации и деградируют. Именно это и произошло с массовой российской интеллигенцией.

Стремясь сохранить элементарно приемлемый жизненный уровень, и неспособная в силу общественно-политической разобщенности, противостоять аморализму, транслируемому с верхних этажей социальной пирамиды, массовая интеллигенция двинулась по пути негативной адаптации. Об этом свидетельствуют поборы в средней школе и системе медицинского обслуживания, взятки в суде и правоохранительных органах, и даже... в святая-святых интеллигенции – в отечественной высшей школе. Кто же, в таком случае, может и должен предложить массовым слоям населения образцы социально одобряемого поведения, более того – общественные идеалы? Проблема общественно-значимых идеалов имеет первостепенное значение, поскольку они выступают мощными интеграторами социума. В начале XX в., анализируя события первой русской революции, немецкий социолог М. Вебер писал: «При ознакомлении с документами российской государственной жизни поражаешься, какой в них вложен огромный труд и как тщательно они бывают разработаны. Но всегда направлены к одной и той же цели – самосохранению полицейского режима. Объективная бессмысленность этой цели устрашает»²⁹. Развал Российской империи наглядно продемонстрировал: полиция – не самый надежный интегратор.

Потребовался новый общественно-исторический проект, иной социальный идеал для того, чтобы вновь собрать распавшуюся имперскую государственность. Однако провал построения коммунизма, обозначил на рубеже середины 1970-х гг. распад в массовом сознании социалистических идеалов. А предложить какую-либо иную объединяющую идеологию, советская социо-гуманитарная интеллигенция оказалась неспособна. Закономерным следствием стал распад полиэтнического, поликонфессионального и многоукладного государства, каким был Советский Союз. Попытка Горбачева опереться на общечеловеческие ценности оказалась безуспешной. Массовое посттоталитарное сознание имело о них весьма смутное представление. К тому же, утрата авторитета лидерами перестройки, вызвала закономерный скептицизм и недоверие к пропагандируемым ими идеалам и ценностям. Последовавшее циничное и беззастенчивое самообогащение постсоветских псевдо-элит, окончательно дискредитировало эти ценности.

О социально-политической беспомощности российских интеллектуалов свидетельствует также их массовый исход из России. Он означа-

²⁹ Вебер. 2007. С. 102-103.

ет: люди утратили надежду изменить к лучшему свою жизнь на родине. При этом одно из наиболее принципиальных отличий стран эмиграции – правовой характер государства, а потому и качественно иные социально-властные отношения. Эти отношения не вынуждают наших эмигрантов к общественно-политической консолидации для защиты своих законных интересов, прежде всего, права на справедливую оплату труда. Это принципиально важно, так как к подобным действиям отечественная интеллигенция не готова в силу низкого массового уровня политико-правовой культуры и отсутствия навыка солидарных действий. Но на новом месте в этом нет острой необходимости. По данным американских социологов, лишь 9% эмигрантов из России, получивших в США права гражданства, принимают участие в выборах.

С начала постсоветской трансформации прошло без малого 20 лет. Ежегодно высшая школа выпускает порядка миллиона специалистов. Всем им прочитаны курсы политологии, социологии, отечественной истории, права, культурологии... Полки книжных магазинов ломятся от учебной, серьезной аналитической и публицистической литературы. Казалось бы, студенческая молодежь должна вынести в жизнь гражданское самосознание. Однако на излете второго десятилетия реформ, апатичное общество, понукаемое «силовиками», вновь послушно и безропотно повернуло в привычную, исторически тупиковую авторитарную колею. Теоретически были возможны и другие сценарии трансформации, однако в соответствии с принципом Лейбница, для иного развития событий не оказалось достаточных оснований. И одно из таких отсутствующих оснований – уровень отечественных социальных наук и производное от него качество социогуманитарной подготовки выпускников высшей школы. Дезориентация вузовской интеллигенции влечет за собой особо тяжелые последствия для будущего России.

Когда-то К. Манхейм подметил: «занимающиеся социальными науками обладают в своем знании большей ясностью и точностью... но, начиная с определенного момента, совсем не стремятся дать ответ на те вопросы, которые вызывают действительное беспокойство»³⁰. Типологически-подобные процессы происходили и происходят в России. Так, анализируя глубинные истоки ее перманентного кризиса, известный социолог, академик Г. Осипов прямо указывает: «К сожалению, российская социальная наука... оказалась не на высоте... Социальная наука: фальсифицирует прошлое (главным образом, историю); мифологизирует настоящее (понуждает людей действовать во имя реализации несбы-

³⁰ Манхейм. 1994. С. 343.

точных мифов, будь то сплошная коллективизация или сплошная приватизация, тотальное планирование или абсолютно свободный рынок); мистифицирует будущее (призывает жертвовать счастьем и нормальными условиями жизни ныне живущих во имя “построения” утопического счастливого будущего для отдаленных поколений)»³¹.

Советские обществоведы утверждали, что им ведомы подлинные законы общественного развития. Однако крах СССР неопровержимо продемонстрировал их интеллектуальное банкротство. Что могут предъявить обществу в качестве результатов своей профессиональной деятельности носители социогуманитарного знания? Политическая культура населения находится на крайне низком уровне; правосознание – не воспитано; способность к самоорганизации, созданию структур гражданского общества и цивилизованным солидарным действиям – в зачаточном состоянии; взаимное доверие людей – и оно существенно ниже, чем в европейских странах; историческая ответственность за общенациональное будущее большинством населения отторгается; духовность, понимаемая как гуманистические идеалы и ценности, также массово не освоена. Более того, результаты постсоветских реформ отчетливо свидетельствуют: социогуманитарной интеллигенции не удалось модернизировать массовое сознание; более того – не удалось вырастить хотя бы высоко интеллектуальную национальную политическую элиту, способную взять на себя ответственность за историческое будущее России.

Отсюда – настоятельная задача российской интеллигенции и, прежде всего, ее социогуманитарной корпорации: наращивание рационального знания о российском социуме и настойчивая трансляция этого знания в общество. В связи с этим возникает проблема качества социогуманитарного знания, предлагаемого студенческой аудитории. Нередко, это так называемые «политтехнологии», использование которых в обществе полуархаичной политической культуры неизбежно вырождается в манипулирование профанным сознанием. Однако никому и нигде не удалось утвердить демократию в отсутствие необходимого множества демократически мыслящих Граждан. Модернизация общественного сознания в ходе освоения технико-технологических знаний, начатая в период индустриализации 1930-1960 гг., должна быть продолжена. В XXI в. в стенах высшей школы студенты должны получать не только профессиональные знания для решения технических проблем. Но также, как советовал Сперанский, получать «образование гражданское», позволяющее рационально-критически осмысливать сложнейшие соци-

³¹ *Осипов*. 2008. С. 181, 182.

ально-политические проблемы развития России. Со студенческой скамьи молодежь должна отчетливо знать: без реальной политической конкуренции невозможно создать эффективную систему стратегического национально-государственного управления, а потому – и обеспечить поступательное, восходящее развитие общества.

Современная ситуация внушает немалые опасения. Аналитический доклад ИКСИ РАН зафиксировал: воспитывать у детей демократические ценности считают важным лишь в 1% современных российских семей, а формировать гражданственность и убеждения – менее чем в 7% семей³². Вспоминаются два эпизода, непосредственным участником которых довелось быть. Участники межрегиональной конференции учителей средней школы по обществоведению и граждановедению, увлеченные и продвинутые энтузиасты, в кулуарах искренне недоумевали: зачем нужны политические партии. Второй эпизод произошел в ходе общественно-научной конференции, проводимой в рамках программы гуманитаризации инженерного образования одним из лучших технических вузов Москвы. В числе прочего, студенты говорили: «Нас не учат анализировать актуальные проблемы современной России»; «Преподаватели советуют нам: “Не суйтесь в политику – вас там не ждут”»; «Нас призывают проявлять гражданственность, но как это делать, нам не объясняют».

Подобные признания говорят о существенном отрыве общественно-гуманитарного образования от потребностей развития гражданского общества и формирования правового государства. Не получая серьезной подготовки в области социального знания, подрастающее поколение особенно уязвимо в части мифологии, навязываемой как официальной пропагандой, так и доморощенными радикальными идеологами. Свидетельством этого стал теракт, осуществленный на Черкизовском рынке Москвы группой московских студентов летом 2006 г. Какие убеждения внушили им учителя старших классов и преподаватели ВУЗов, если студенты пошли на преступление³³, совершенно иррациональное с точки зрения цели: вынудить нелегальных мигрантов покинуть рынок?

Архаика отечественной политической культуры не может не вызывать глубоких опасений. Анализируя причины, повлекшие гибель российской многопартийности в начале XX в., исследователи констатируют глубокую аналогию современным реалиям: отсутствие массовой социальной базы политических партий. Партии не стали реальным фактором

³² Богатые и бедные в современной России...

³³ В результате взрыва 13 человек погибло и порядка сорока – получили ранения и увечья.

политической жизни. Вместо многопартийности возникла мелкопартийность, поскольку число членов партий составляло около 0,5 % населения России в 1906–1907 гг. и не более 1,5 % населения после Февральской революции. Лидеров партий отличала та же характерная неспособность и нежелание находить компромиссы, с целью создания устойчивых политических союзов³⁴.

В данном контексте представляет интерес сравнение российской интеллигенции и западных интеллектуалов. В общественном мнении России широко распространено представление, согласно которому коренное отличие названных групп состоит в том, что интеллигенция озабочена проблемами общества, а интеллектуалы – лишь собственным благополучием. Однако это не соответствует действительности. Интеллектуалы Запада, совместно с представителями других социальных групп, сумели создать сильные, влиятельные политические партии. Это позволяет им активно влиять на формирование законодательства, продвигая в него общественно-значимые интересы, и тем самым обеспечивать решение актуальных проблем социума. Российской интеллигенции еще предстоит освоить этот цивилизованный образ мысли и действия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамшиин А.* Imperium – это власть // После империи. М.: Алгоритм, 2007.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад. ИКСИ РАН. М., 2003.
- Вебер М.* К положению буржуазной демократии в России // О России. Избранное. РОСПЭН, М., 2007а.
- Вебер М.* Переход России к псевдоконституционализму // О России. Избранное. М., РОСПЭН, 2007б.
- Герцен А.* Письма издалека: Избранные литературно-критические заметки. М., 1984.
- Гершензон М.* Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Б.и., 1909.
- Глазев С.* Никто не думал, что развитие страны пойдет так. Интернет-портал ПОЛИТ.РУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2006/09/26/glazyev.html> (время доступа – 7.04.2009).
- Из русской мысли о России. Автор-составитель И. Т. Янин Янтарный сказ, Калининград, 2002.
- Кавелин К. Д.* Собр. Соч.: В 4 т. СПб.: Б.и., 1897–1900.
- Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., Наука, 1983а.
- Ключевский В. О.* Об интеллигенции // Неопубликованные произведения. Наука. М., 1983б.

³⁴ *Сморгунов, Семенов.* 1996. С. 170-171.

Малинова О. Ю. Политическая культура в российском научном и публицистическом дискурсе // Полис. 2006. № 5.

Мангейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени. М., Юрист, 1994.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-изд. Т. 12. М., Политическая литература, 1960.

Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. Т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. СПб.: Б.и., 1908.

Менделеев Д. И. Об образовании, преимущественно высшем (1904) // Заветные мысли. М.: Мысль, 1995.

Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003.

Осипов Г. В. На рубеже веков. Социально-политические императивы реформ // Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. М.: ИСПИ РАН; URSS, 2008.

Паин Э. Предварительные итоги эволюции национального вопроса в России // Россия 1993–2008: итоги трансформации. М.: МШПИ, 2009.

Памятная записка (меморандум) статс-секретаря П. Н. Дурново от февраля месяца 1914 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antisys.narod.ru/durnovo.html> (время доступа – 14.04.2010)

Пантин В. К. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: Основные вызовы и возможные ответы. Феникс+, Дубна, 2009.

Пивоваров Ю. С. Истоки и смысл русской революции // Правовая и политическая культура России: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск: СИБАГС, 2008.

Сатаров Г. Итоги российской трансформации // Россия 1993–2008: итоги трансформации. М.: МШПИ, 2009.

Сморгунов Л., Семенов В. Политология. СПб.: Ольга, 1996.

Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990.

Степун Ф. А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6.

Федотов Г. П. Россия и свобода // Психология элиты. 2009. № 3.

Шанин Т. История поколений и поколенческая история России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2005/03/23/shanin.html> (время доступа – 23.03.2005).

Магарил Сергей Александрович, кандидат экономических наук, доцент факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета; tagaril@yandex.ru.